

этом, не прибегая к ссылкам на авторитеты, но в случае необходимости обращаясь к результатам исследований, которые представлялись ему наиболее достоверными и научно обоснованными. В своих фонологических воззрениях Гард ближе всего к идеям Н.С. Трубецкого и Пражской школы, но в его книге мы встречаем ссылки на работы А. Мартине, Л.Ж. Прието и К.Л. Пайка, в связи с древнегреческим на Ж. Вандриеса, с сербохорватским на П. Ивича и И. Лехисте, на «Сравнительную акцентологию германских языков» С.Д. Кацнельсона и т. д. В описании фонологии русского языка просматривается влияние Московской фонологической школы, хотя есть и ссылка на «The sound pattern of Russian» М. Халле. Список имен, упоминаемых в книге, не очень велик, но он отражает весьма широкий спектр взглядов и покрывает значительный временной промежуток, уходящий корнями в великую эпоху, одним из последних отголосков которой стала замечательная книга Поля Гарда, намного опередившая свое собственное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова 1966 – *O.S. Axmanova*. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Касевич 1980 – *В.Б. Касевич*. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1980.
- Мартине 1963 – *А. Мартине*. Элементы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Степанов 1975 – *Ю.С. Степанов*. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Ярцева 1990 – *В.Н. Ярцева* (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990.
- Axmanova 1970 – *O.S. Axmanova*. [Рец. на:] P. Garde. L'accent. Paris, 1968 // Revue belge de philologie et d'histoire. V. XLVIII. Bruxelles, 1970.
- Crystal 2008 – *D.A. Crystal*. Dictionary of linguistics and phonetics. 6th edition. Oxford, 2008.
- Garde 1968 – *P. Garde*. L'accent. Paris, 1968.
- Hjelmslev 1936 – *L. Hjelmslev*. The syllable as a structural unit // Proceedings of the 2nd international congress of phonetic sciences. Cambridge, 1936.
- Jones 1976 – *D. Jones*. An outline of English phonetics. Cambridge, 1976.
- Lieberman 1973 – *A.S. Lieberman*. Le point de vue phonologique dans l'évaluation des problèmes de l'accent: quelques observations // Travaux de l'Institut de phonétique de Strasbourg. 1973. № 5.
- Lieberman 1982 – *A.S. Lieberman*. Germanic accentology. V. 1. The Scandinavian languages / Minnesota publications in the humanities. V. 1. Minneapolis (MN), 1982.
- Martinet 1960 – *A. Martinet*. Eléments de linguistique générale. Paris, 1960.
- Polivanov 1936 – *E.D. Polivanov*. Zur Frage der Betonungs Funktion // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1936. V. 6.
- Wallin 1901 – *S.E.W. Wallin*. Researches on the rhythm of speech // Studies from the Yale psychological laboratory. 1901. V. IX.

Ю.А. Клейнер

Сведения об авторе:

Юрий Александрович Клейнер
Санкт-Петербургский государственный
университет
yurikleiner@hotmail.com

***D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford university press, 2013. xiv + 312 p. ISBN 978-0-19-960432-6**

Рецензируемый сборник статей включает десять работ известных зарубежных специалистов по различным областям морфологии и синтаксиса, выполненных в рамках набирающего в последние годы популярность «канонического» подхода к грамматической типологии (Canonical Typology, далее КТ). Данный подход разрабатывается с 2000-х гг. известным британским лингвистом Гревилем Корбетом и руководимой им исследовательской группой в университете г. Гилдфорд (графство Саррей, Великобритания) и известен отечественным лингвистам в том числе благодаря выступлени-

ям Г. Корбета в российских университетах и на таких конференциях, как «Диалог» и «Зимние типологические школы». Публикации группы Г. Корбета в рамках КТ посвящены прежде всего явлениям морфологии и морфосинтаксиса: синкретизму [Ваерман et al. 2005], см. рец. [Аркадьев 2006], супплетивизму [Hippisley et al. 2004; Corbett 2007], депонентности [Ваерман et al. (eds) 2007], см. рец. [Аркадьев 2009], словоизменительным классам [Corbett 2009], словообразованию [Corbett 2010], дефектности [Ваерман et. al. (eds) 2010], аналитическим формам [Chumakina 2011; Chumakina, Corbett

(eds) 2012], согласованию [Corbett 2006], падежу [Corbett 2008]; общим вопросам КТ посвящены работы [Corbett 2005; 2011; 2012].

Основная задача КТ состоит в эксплицитной формулировке понятий, используемых как описательными лингвистами, так и типологами, таким образом, чтобы с их помощью можно было, с одной стороны, непротиворечиво описывать явления конкретных языков и, с другой, сопоставлять явления разных языков. В этом смысле КТ предлагает решение все отчетливее осознаваемой в последнее время лингвистами проблемы сопоставления «одноименных» явлений различных языков (см., например, [Haspelmath 2010]): как сравнивать между собой категории отдельных языков, выделяемые на основании конкретно-языковых критериев и неизбежно различающиеся как по формальным, так и по семантическим признакам? «Канонический» подход состоит в том, что каждому понятию сопоставляется целый ряд критериев (в идеале логически независимых) вида «канонический X обладает свойством P» (также записывается как «P > не-P»), задающих, с одной стороны, «канонический идеал» некоторого явления, удовлетворяющий всем релевантным критериям, и, с другой стороны, пространство типологических возможностей, содержащее явления, по тем или иным критериям отклоняющиеся от «канона», и структурирующее широкую и обладающую размытыми границами эмпирическую область («базу»), связанную с исходным понятием. Стоит отметить, что такой подход был во многом предвосхищен, в частности, в работе [Зализняк 1973], что признает и сам Г. Корбет [Corbett 2008: 2]. Так, канонический падеж должен быть определен на всех именных лексемах языка (тем самым из «канона» исключаются неполные падежи) и иметь самостоятельное морфологическое выражение (тем самым неканоническими оказываются морфологически несамостоятельные падежи).

Как неоднократно подчеркивает Г. Корбет, понятие «канонический» в рамках КТ не следует смешивать с популярным в лингвистике эпитетом «прототипический». (Следует отметить, что оба термина лингвистами последних десятилетий употребляются чрезвычайно активно и, как правило, в качестве синонимов.) Если прототип некоторого явления – это прежде всего наиболее типичная и чаще всего встречающаяся (в конкретном языке или в языках мира) его разновидность, то «канон», напротив, – это «идеальный» представитель явления, удовлетворяющий всем предложенным критериям и потому скорее всего наблюдаемый редко или даже вообще не представленный в реальных языках. В отличие от прототипа, обладающего наиболее частотной и «естественной» комбинацией релевантных свойств и тем самым служащего своего рода «аттрактором»

или «немаркированным» элементом в типологическом пространстве возможностей, канонический представитель, по Г. Корбету, в первую очередь необходим в качестве точки отсчета для реальных явлений, различным образом отклоняющихся от «канона».

Сборник «Канонические морфология и синтаксис» является своего рода обобщением развития КТ и одновременно выводит данный подход в более широкую область, объединяя под одной обложкой работы, посвященные таким разнообразным явлениям, как клитики, отрицание, финитность, пассив, рефлексивизация, именная модификация и чужая речь. Во всех статьях предлагаются определения соответствующих понятий в рамках КТ и обсуждаются различные неканонические случаи, «населяющие» порожденные этими определениями типологические пространства. Сборник посвящен памяти Анны Северской, трагически погибшей в августе 2011 г., и содержит одну из последних ее статей, написанных в соавторстве с Д. Баккером.

Во введении («What there might be and what there is: an introduction to Canonical typology», с. 1–19) Д. Браун и М. Чумакина излагают основные положения и методологию КТ, помещая ее в более широкий контекст, а также кратко излагают содержание статей сборника. В связи с противопоставлением «канонических» и «прототипических» случаев авторы предостерегают от подмены канонических случаев, удовлетворяющих всем релевантным критериям, теми, которые легче всего наблюдаемы (т. е., как правило, встречаются в наиболее изученных языках, например, европейских) или чаще всего обсуждаются в литературе.

Оливер Бонд (Oliver Bond) в статье «База канонического отрицания» («A base for canonical negation», с. 20–47) обсуждает проблему типологически адекватного определения отрицания. Такое определение позволило бы, во-первых, идентифицировать отрицательные конструкции в произвольных языках и, во-вторых, задавало бы базу для разработки конкретных критериев канонического отрицания. Языковым отрицанием Бонд считает «конструкции, моделирующие бинарный контраст между ситуацией в грамматически оформленной альтернативной реальности и ситуацией в сообщаемой реальности, такой, что некоторые или все свойства альтернативной реальности исключены из множества свойств сообщаемой реальности» (с. 29). Такое на первый взгляд довольно громоздкое определение отражает когнитивную и коммуникативную производность отрицательных конструкций от утвердительных, ограничивает базу отрицания специализированными конструкциями, но при этом не содержит никаких указаний на возможные средства выражения (неизбежно

обусловленные конкретным языком). Критерии канонического отрицания Бонд разделяет на структурные (симметричное > асимметричное; самостоятельное > несамостоятельное; сегментное > несегментное; позиция показателя рядом со сферой действия > показатель отделен от сферы действия; препозитивное > постпозитивное), критерии применимости (обязательное > факультативное; контекстно-независимое > контекстно-зависимое; продуктивное > непродуктивное; многофункциональное > ограниченное частными функциями) и семантические (с широкой сферой действия > с узкой сферой действия; с однозначной сферой действия > с неоднозначной сферой действия и др.). В заключение Бонд отмечает, что показатель, отвечающий всем выделенным критериям канонического отрицания, в обследованных им примерно пятидесяти языках не встретился.

Г. Корбет в статье «Канонические морфосинтаксические признаки» («Canonical morphosyntactic features», с. 48–65) обращается к проблеме, возникшей в результате последовательного применения канонического подхода к типологии морфосинтаксических признаков (грамматических категорий, канонически участвующих одновременно в синтаксических и морфологических процессах; к ним Корбет относит в первую очередь род, число, падеж и лицо): полностью канонические морфосинтаксические признаки, определяемые без учета их семантики, оказываются неразличимыми. Решение данной проблемы (которая может показаться отчасти искусственной) Корбет находит в изучении взаимодействия морфосинтаксических признаков с частями речи, постулируя четыре канонических критерия такого взаимодействия: единственность (exclusiveness: лексема принадлежит единственной части речи; грамматическое значение принадлежит единственному признаку), полнота (exhaustiveness: к каждой лексеме каждой части речи применимо любое значение любого признака, и обратно), тип класса (все классы языковых единиц, кроме класса лексем, закрыты) и композиционность (семантика сочетания лексемы со значениями морфосинтаксических признаков полностью выводима из семантики лексемы и спецификации признаков). Конкретные морфосинтаксические признаки при таком подходе описываются отклонениями от «канона» соотношения между признаками и частями речи. Так, признак рода нарушает критерий полноты: лексемы-существительные (контролеры рода) обладают каждая лишь одним значением категории, а все значения применимы лишь к лексемам-мишеням согласования по роду; интересным образом, признак лица относится к тому же типу с дополнительным свойством закрытости класса лексем-контролеров. Падеж (точнее, «идеальный» чисто морфосинтакси-

ческий падеж) рассматривается Корбетом как «зеркальное отражение» рода: если последний классифицирует существительные в зависимости от формы лексем, с ними согласующихся, то падеж классифицирует глаголы в зависимости от формы лексем, которыми они управляют; кроме того, взаимодействие управления с семантикой глагола, согласно автору, не удовлетворяет критерию композиционности; наконец, категория числа оказывается ближе всего к «канону» морфосинтаксического признака.

Н. Эванс (Nicholas Evans) в статье «Проблемы типологии чужой речи: канонический подход» («Some problems in the typology of quotation: a canonical approach», с. 66–98) предлагает критерии канонических прямой и косвенной речи, а также выделяет третий тип выражения чужой речи – так называемую «речь с двумя центрами перспективы» (biperspectival speech). Основное содержание статьи составляет суждение различных случаев отклонения от «канонов» прямой и косвенной речи, таких как, например, «магнетизм второго лица», когда в контексте прямой речи формы второго лица используются с точки зрения основного, а не пересказываемого речевого акта (в языках с «магнетизмом второго лица» выражения вида «Она сказала: ты устал» могут обозначать как ‘Она сказала, что я [говорящий основного и адресат пересказываемого речевого акта] устал’, так и ‘Она сказала, что ты [адресат основного и третье лицо пересказываемого речевого акта] устал’). Случаи отклонения от «канона» непрямой речи включают использование в конструкциях непрямой речи диалектных или стилистических особенностей пересказываемого речевого акта, «сдвиг» лишь части, а не всех шифтерных категорий (так, в русском языке в непрямой речи категория лица выражается в перспективе основного речевого акта, а категория времени – в перспективе пересказываемого), «смешанный» пространственный дейксис и даже «смешанное» выражение лица в зависимости от грамматической роли (в трансновогвинейском языке голин выражение «Ты сказал, что я ударил меня» означает ‘Ты сказал, что ты [говорящий пересказываемого речевого акта] ударил меня [говорящего основного речевых актов]’; сходные явления отмечаются в древнеегипетском и коптском языках). Помимо прямой и косвенной речи Эванс предлагает выделять в качестве третьего «канона» чужой речи «речь с двумя перспективами», т.е. конструкции, одновременно представляющие точки зрения основного и пересказываемого речевых актов. Наиболее известные представители «двуперспективных» языковых единиц – логофорические местоимения, выражающие говорящего пересказываемого речевого акта, одновременно являющегося участником (на-

пример, третьим лицом) основного речевого акта. В качестве конструкций с двумя перспективами Эванс предлагает анализировать, в частности, сложные относительные времена западноевропейских языков, значение которых содержит отсылку сразу к двум точкам отсчета, заданным в пересказываемом и основном речевых актах (ср. англ. *John said he would be at work* 'Джон сказал, что будет [следование пересказываемой точке отсчета, предшествующей основной точке отсчета] на работе'). В заключение Эванс отмечает, что, в отличие от канонических прямой и не прямой речи, каноническая речь с двумя перспективами пока не отмечена в качестве характеристики всей конструкции чужой речи, но лишь в качестве свойства отдельных составляющих ее элементов. Основной результат данной статьи состоит в эксплицитном исчислении весьма значительного разнообразия способов кодирования чужой речи, которое может послужить основой дальнейших типологических изысканий в этой пока недостаточно разработанной области.

В статье «Разбирая финитность» («Unpacking finiteness», с. 99–122) И. Николаева предлагает набор канонических критериев финитности – категории, которой в последнее время было посвящено значительное число публикаций (см., например, [Калинина 2001; Nikolaeva (ed.) 2007]), часть которых вообще отрицает типологическую значимость этого понятия (ср. [Cristofaro 2007]). Сложность определения и применения термина «финитность» в типологии состоит в том, что релевантные для этого понятия признаки, во-первых, подвержены значительному языковому варьированию и, во-вторых, далеко не всегда между собою коррелируют. В такой ситуации особенно предпочтителен подход в рамках КТ, где разные критерии в принципе независимы друг от друга, а место бинарных противопоставлений занимает «канон» и множество отклоняющихся от него «неканонических» случаев. В качестве критериев финитности, применяемых как к глагольным формам, так и к клаузам, Николаева предлагает ряд известных признаков, таких как выражение времени, лица, модальности, иллокутивной силы, вежливости и эвиденциальности, отсутствие маркирования переключения референции, выраженный и оформленный номинативом субъект, независимая предикация, грамматическое выражение коммуникативной структуры, асертивность, независимая временная референция. В заключении статьи рассматривается ряд случаев рассогласования критериев финитности, в частности известные ситуации использования морфологически нефинитных форм в качестве сказуемых независимых предикаций.

Э. Спенсер (Andrew Spencer) и А. Луиш (Ana Luís) в статье «Канонические клитики» («The canonical clitics»¹, с. 123–150) используют аппарат КТ для определения понятия клитики, с которым связан целый клубок контроверз морфологической и синтаксической типологии (об этом см. недавнюю книгу тех же авторов [Spencer, Luís 2012] и рецензию [Валова 2014]). Промежуточное положение клитик на линейно-синтагматическом континууме [Плунгян 2000: 32–35] делает необходимым провести различие между ними и, с одной стороны, аффиксами (более связанными, чем клитики), а, с другой стороны, полноценными словоформами (более свободными, чем клитики). Многочисленные попытки ученых выработать единый универсальный набор необходимых и достаточных свойств клитик терпели неудачу в первую очередь из-за того, что критерии, убедительным образом отделяющие клитики от одного из полюсов линейно-синтагматического континуума, неизбежно объединяют их с другим полюсом (так, по признаку просодической несамостоятельности клитики не отличаются от аффиксов, а по признаку транскатегориальности – от словоформ). Это обстоятельство послужило причиной отказа ряда ученых рассматривать противопоставление клитик и аффиксов как релевантное для типологии (см., например, не учтенную авторами статью [Haspelmath 2011]). Авторы предлагают остроумное и убедительное решение проблемы канонического определения клитик, помещая канонические клитики на пересечении «канонов» (служебных) словоформ и аффиксов: каноническая клитика обладает каноническими фонологическими свойствами аффиксов (в качестве такового авторы предлагают однородную структуру CV, меньшую, чем просодическая структура минимального фонологического слова) и каноническими дистрибутивно-синтаксическими свойствами служебного слова (размещение относительно синтаксической составляющей, а не словоформы, и широкая сфера действия, включающая, в частности, сочиненные составляющие). Самостоятельных канонических критериев, применимых только к клитикам, по мнению авторов, не существует. Также в статье рассматриваются некоторые примеры неканонических клитик, куда попадают, например, случаи так называемой групповой флексии (единицы, присоединяющиеся к словам, однако имеющие сферу действия на целую составляющую).

А. Северска (Anna Siewierska) и Д. Баккер (Dik Bakker) в статье «Агенты в пассивных конструкциях: прототипические vs. канониче-

¹ Буквальный перевод заглавия статьи на русский язык («каноническая клитика») представляется стилистически неудачным.

ские пассивы» (Passive agents: prototypical vs. canonical passives, с. 151–189) рассматривают вопрос о том, следует ли включать возможность выражения агенса в набор канонических критериев пассивных конструкций, обращая внимание на то, что в литературе представлены диаметрально противоположные мнения о значении этого признака для универсального прототипа данной категории (ср. [Shibatani 1985: 837] vs. [Dixon, Aikhenvald 2000: 7]). Поставленный вопрос авторы решают эмпирически, проверяя на материале выборки из почти трехсот языков, коррелирует ли наличие агенса с другими каноническими признаками пассивных конструкций. Северска и Баккер показывают, что типологически пассивные конструкции с выраженным агенсом встречаются в языках мира чаще, чем такие, где выражение агенса невозможно; при этом частотность выражения агенса пассива в текстах на конкретном языке может варьировать от менее 10% для польского до более 80% для австронезийского языка мангараи (о. Флорес, Индонезия). Также выражение агенса характерно скорее для более канонических пассивов с выраженным субъектом- пациенсом, нежели для безличных пассивов и пассивов с субъектом, сохраняющим определенные признаки агентивности. Напротив, не обнаруживается корреляции между способностью к выражению агенса и синтетическим или аналитическим оформлением сказуемого пассивной конструкции, хотя для пассивов без специализированных глагольных показателей скорее характерно обязательное выражение агенса (которое, в отличие от факультативного выражения, служит отдалению конструкции от «канона»). Также рассматриваются такие свойства самих агентивных дополнений, как личность, референтность, местоименность и способы оформления агенса; авторы отмечают, что, хотя каноническое агентивное дополнение должно обозначать лицо и выражаться с помощью «косвенного» формального средства, строгой типологической корреляции между этими параметрами не наблюдается. Некоторое недоумение вызывает утверждение авторов на с. 179, что в русском языке запрещены агентивные дополнения 1 и 2 лица; это очевидно неверно как для пассивных причастий в атрибутивной позиции (ср. *сделанное мной выше утверждение*), так и для финитных форм страдательного залога, ср. *не все из приводимых мною доводов здесь отбрасывается Вами в качестве несостоятельных* (Ю. Сазонова, Н. Евреинов, А. Евреинова. Переписка (1937–1954)), пример из [НКРЯ]. Неверно утверждение авторов на с. 185 о том, что начальная консонантная мутация в австронезийском языке ниас является показателем «периферийного» (non-core) статуса именных групп – контексты

употребления мутации включают, в частности, субъект непереходного и объект переходного глагола [Brown 2001: 7.1.1].

М. Эверарт (M. Everaert) в статье «Критерии рефлексивизации» («The criteria for reflexivization», с. 190–206) выдвигает ряд канонических признаков рефлексивизации, предварительно кратко рассматривая основные параметры типологического варьирования в этой области. Критерии канонической рефлексивизации включают свойства контролера (binder; аргумент > не-аргумент; 3 лицо > 1 или 2 лицо; (не)определенная дескрипция > группа с квантором), мишени (bindee; аргумент > не-аргумент; прямой объект > непрямой объект или предложная группа; маркированная рефлексивность > отсутствие маркирования), морфосинтаксического кодирования (отличается от выражения кореферентности некоаргументов > совпадает с выражением кореферентности не-коаргументов; выражается на аргументе > выражается на предикате), области связывания (глагольная группа > предложение; простое предложение > сложное предложение).

В статье И. Николаевой и Э. Спенсера «Обладание и модификация с точки зрения канонической типологии» («Possession and modification – a perspective from Canonical typology», с. 207–238) анализируются два основных типа зависимых в составе именных групп – посессивные и атрибутивные определения. Несмотря на то, что «типичные» представители этих двух разновидностей именных определений во многих языках четко различаются как семантически, так и морфосинтаксически, имеются как многочисленные промежуточные случаи, так и ситуации формального неразличения посессивных и атрибутивных определений (ср. в этой связи неучтенную авторами статью [Lander 2010]). Авторы предлагают следующий набор критериев для канонической приименной посессивности: постоянное отношение между обладателем и обладаемым; личный посессор; обладаемое – реляционное имя (двуместный предикат); посессор занимает синтаксическую позицию спецификатора именной группы и способен к самостоятельной модификации; обладатель и обладаемое являются каноническими существительными; обладаемое является семантической и синтаксической вершиной конструкции, а посессор – ее аргументом. Напротив, критерии канонической атрибутивной модификации таковы: определяемое обозначает предмет; определение обозначает градуальное свойство (одноместный предикат); определение занимает синтаксическую позицию адьюнкта и не способно к самостоятельной модификации; определение является каноническим прилагательным, а вершина – каноническим существительным; определяемое является се-

мантической и синтаксической вершиной конструкции, а определение – зависимым. Неканонические случаи примененной модификации включают непосессивные определения, выраженные существительными или «относительными» (неградуируемыми) прилагательными, и конструкции отторжимой принадлежности, в которых обладаемое не является релятивным именем. В отдельном разделе рассматриваются встречающиеся в языках мира способы морфо-синтаксического кодирования различных канонических и неканонических типов примененной модификации; в одних языках, например в чадском² языке леле, четко противопоставлены все четыре вида модификации, а в других, например в чукотском и албанском, они вовсе не различаются. Непосессивные определения в языках мира часто кодируются либо так же, как посессивные, либо по модели прилагательных, и несколько реже встречается одинаковое кодирование канонической атрибутивной модификации и отторжимой принадлежности.

Сборник включает статья С. Фаррапа (Scott Farrar) «Онтологический подход к канонической типологии: к основаниям э-лингвистики» («An ontological approach to Canonical Typology: laying the foundations for e-linguistics», с. 239–261), в которой автор предлагает возможные пути компьютерного представления системы понятий, разрабатываемых в КТ, а также терминологии, используемой при описании конкретных языков, в виде формальных онтологий в системе GOLD (General ontology of linguistic descriptions). Подобная задача весьма насущна в свете все возрастающего объема разнообразнейших языковых данных, нередко описываемых с использованием весьма различных понятий, однако от постановки задачи до ее решения, по всей видимости, необходимо пройти весьма значительный путь.

Сборник завершается сводной библиографией (с. 262–294) и указателями языков, авторов и терминов (с. 295–312). Несмотря на, как правило, высокое качество изданий Oxford university press, книга не свободна от опечаток: в частности, в ряде мест (с. 13, 17), как кажется, пропущены отдельные слова, что мешает пониманию текста; на с. 24 вместо *relativization* следует читать *reflexivization*; рис. 3.6 на с. 63, как кажется, ничем не отличается от рис. 3.7 на с. 64; на с. 109 вместо *more opaque* следует читать *less opaque*; в примере из нилотского языка пари (7а) на с. 155 ошибочно отмечен низкий тон; в примере из албанского языка (5)

² Авторы ошибочно относят этот язык (код по международной классификации ISO-639-3 ln) к семье нигер-конго, очевидно, путая его с двумя другими одноименными языками (sic!) банту и манде.

на с. 212 ошибочно указан соединительный артикль *te* вместо *e* в номинативе; на с. 251 вместо *qt and qt* следует читать *qt and ql*.

В целом сборник «Канонические морфология и синтаксис» представляется значительной вехой в развитии понятийного аппарата лингвистической типологии. Включенные в него статьи вносят вклад как в разработку теоретических и терминологических проблем, так и в эмпирическую базу типологических исследований, опираясь на материал множества разнотипных языков. Следует также отметить и то, что каноническая типология объединила ученых, работающих в рамках весьма различных теоретических направлений, и позволила им, несмотря на возможные разногласия, выработать в принципе единый метаязык. Этот результат представляется чрезвычайно плодотворным и поучительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] *M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005* // Вопросы языкознания. 2006. № 5.
- Аркадьев 2009 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley* (eds). *Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007* // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
- Валова 2014 – Е.А. Валова. [Рец. на:] *A. Spencer, A. Luis. Clitics. An introduction. Cambridge, 2012* // Вопросы языкознания. 2014. № 3.
- Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // А.А. Зализняк (ред.). Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. (2-е изд. в: А.А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.)
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Baerman et al. 2005 – *M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005.*
- Baerman et al. (eds) 2007 – *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley* (eds).

- Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007.
- Baerman et al. (eds) 2010 – *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown* (eds). Defective paradigms: Missing forms and what they tell us. Oxford, 2010.
- Brown 2001 – *L. Brown*. A grammar of Nias Selatan. PhD Thesis, University of Sydney, 2001.
- Chumakina 2011 – *M. Chumakina*. Nominal periphrasis. A canonical approach // *Studies in language*. 2011. V. 35. № 2.
- Chumakina, Corbett (eds) 2012 – *M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). Periphrasis: The role of syntax and morphology in paradigms. Oxford, 2012.
- Corbett 2005 – *G.G. Corbett*. The canonical approach to typology // *Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood* (eds). Linguistic diversity and language theories. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Corbett 2006 – *G.G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Corbett 2007 – *G.G. Corbett*. Canonical typology, suppletion and possible words // *Language*. 2007. V. 83. № 1.
- Corbett 2008 – *G.G. Corbett*. Determining morphosyntactic feature values: The case of case // *G.G. Corbett, M. Noonan* (eds). Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Corbett 2009 – *G.G. Corbett*. Canonical inflectional classes // *F. Montermini, G. Boyé, J. Tseng* (eds). Selected proceedings of the 6th Decembrettes. Sommerville (MA), 2009. (<http://www.lingref.com/cpp/decemb/6/paper2231.pdf>)
- Corbett 2010 – *G.G. Corbett*. Canonical derivational morphology // *Word structure*. 2010. V. 3. № 2.
- Corbett 2011 – *G.G. Corbett*. Higher order exceptionality in inflectional morphology // *H.J. Simon, H. Wiese* (eds). Expecting the unexpected: Exceptions in grammar. Berlin, 2011.
- Corbett 2012 – *G.G. Corbett*. Features. Cambridge, 2012.
- Cristofaro 2007 – *S. Cristofaro*. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective // *I. Nikolaeva* (ed.). Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Dixon, Aikhenvald 2000 – *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald*. Introduction // *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald* (eds). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. V. 86. № 3.
- Haspelmath 2011 – *M. Haspelmath*. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia linguistica*. 2011. V. 45. № 1.
- Hippisley et al. 2004 – *A. Hippisley, M. Chumakina, G.G. Corbett, D. Brown*. Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems // *Studies in language*. 2004. V. 28. № 2.
- Lander 2010 – *Y.A. Lander*. Diagnostics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *F. Floricic* (ed.). Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels. Lyon, 2010.
- Nikolaeva (ed.) 2007 – *I. Nikolaeva* (ed.). Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Shibatani 1985 – *M. Shibatani*. Passives and related constructions: A prototype analysis // *Language*. 1985. V. 61. № 4.
- Spencer, Luís 2012 – *A. Spencer, A. Luís*. Clitics. An introduction. Cambridge, 2012.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Петр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН / РГГУ / МГГУ
им. М.А. Шолохова
peterarkadiev@yandex.ru